

М. А. Орлов

Политика веротерпимости в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.)

УДК 94(470+571)+322(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_300
EDN DQZYNZ

Аннотация: Первая мировая война стала последним значимым событием империи Романовых. Она обнажила многие проблемы, накопленные в предыдущий период развития общества и государства. Во время войны обострились межнациональные отношения, вызванные германофобией в России и русофобией в Германии. «Германизм» обострил еще один вопрос – вероисповедный. Некоторые религиозные группы, такие как баптисты и евангельские христиане, поддерживали Германию. Это привело к ограничениям их в деятельности. Ситуация осложнялась тем, что эти религиозные группы проповедовали идеи пацифизма, явно неуместные в период военных действий. Власти вынуждены были реагировать на пропаганду пацифизма, устанавливая жесткий контроль за баптистами и евангельскими христианами. Другой религиозной группой, попавшей в поле зрения властей, были мусульмане. К мусульманам государство относилось с большим доверием, чем к религиозным «отщепенцам» (сектантам). Тем не менее после вступления осенью 1914 г. в войну Османской империи власть вынуждена была установить наблюдение за мусульманами. Это было вызвано объявлением «священной войны» (джихада), а также развитием панисламизма среди российских мусульман. Таким образом, условия военного времени, равно как и участие в войне против России Германии и Османской империи вынудили правительство пойти на значительные ограничения в политике веротерпимости.

Ключевые слова: Первая мировая война, пацифизм, панисламизм, баптизм, евангельские христиане.

Об авторе: **Максим Александрович Орлов**

Кандидат исторических наук, преподаватель АНОО «Петербургский лицей», Киров.

E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4663-9443>

Для цитирования: Орлов М. А. Политика веротерпимости в Российской империи в годы Первой мировой войны (1914–1917 гг.) // Христианское чтение. 2024. № 3. С. 300–312.

Статья поступила в редакцию 24.10.2023; одобрена после рецензирования 25.11.2023; принята к публикации 17.12.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 3

2024

Maxim A. Orlov

Religious Tolerance Policy in the Russian Empire during World War I (1914–1917)

UDK 94(470+571)+322(091)
DOI 10.47132/1814-5574_2024_3_300
EDN DQZYNZ

Abstract: World War I was the last significant event of the Romanov Empire. It exposed many problems accumulated in the previous period of the society and state development. During the war, interethnic relations escalated, being caused by Germanophobia in Russia and Russophobia in Germany. “Germanism” aggravated another issue — a religious one. Some religious groups, such as Baptists and Evangelical Christians, supported Germany. This resulted in restrictions in their activities. The situation was complicated by the fact that these religious groups preached pacifist ideas that were obviously inappropriate in the war period. The authorities were forced to respond to the propaganda of pacifism by establishing strict control over Baptists and Evangelical Christians. Another religious group that got under scrutiny by the authorities was Muslims. The state treated Muslims with greater trust than religious “renegades” (sectarians). Nevertheless, after the Ottoman Empire entering the war in the autumn of 1914, the authorities had to put Muslims under surveillance. This was caused by the declared “holy war” (jihad) and the development of pan-Islamism among Russian Muslims. Thus, both the wartime situation and the participation of Germany and the Ottoman Empire in the war against Russia, forced the government to introduce significant restrictions on the policy of religious tolerance.

Keywords: World War I, pacifism, pan-Islamism, Baptism, Evangelical Christians.

About the author: **Maxim Alexandrovich Orlov**

Candidate of Historical Sciences, Lecturer at Autonomous Non-Commercial General Educational Organization “Petersburg Lyceum”, Kirov.

E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4663-9443>

For citation: Orlov M. A. Religious Tolerance Policy in the Russian Empire during World War I (1914–1917). *Khristianskoye Chteniye*, 2024, no. 3, pp. 300–312.

The article was submitted 24.10.2023; approved after reviewing 25.11.2023; accepted for publication 17.12.2023.

Начавшаяся в 1914 г. мировая война обострила в России два вопроса, тесно связанных между собой: вероисповедный и национальный. Конфессиональная и национальная политика государства претерпели значительные изменения, что было вызвано прежде всего условиями военного времени. Ужесточились меры в отношении религиозных групп, проповедовавших пацифизм, явно несовместимый с настроением на победу и напряжением всех сил в обществе. В области национальной политики власти опасались немецкого сепаратизма, особенно в Прибалтике.

С началом войны *положение немцев*, проживавших в Российской империи, заметно ухудшилось. По данной теме написано много работ, в которых раскрыта государственная политика в отношении немецких подданных. Стоит отметить, что в историографии «немецкий вопрос» в России в годы Первой мировой войны, как правило, рассматривался в контексте вопросов о землевладении, торговле и промышленности. Религиозная составляющая при этом уходила на задний план, а иногда вовсе игнорировалась. Было выявлено, что кампании по борьбе с «немецким засильем» были вызваны не только немцами, но и общей проблемой германского влияния в экономике, политике и культурной жизни страны [Соболев, 1998; Лор, 2012].

Голоса против немецких колонистов раздавались уже в XIX в. Как отмечала А. Н. Шубина, еще до мировой войны в обществе стала формироваться парадигма «свой – чужой» с использованием «предрассудков» о немцах империи (см.: [Шубина, 2012, 17]). После объединения Германии и усиления ее военной мощи стали чаще говорить о связях «русских» немцев с их языковой и культурной родиной – Германией. А. Ветлицын восклицал, что немецкие колонисты Поволжья живут совершенно отчужденной от России жизнью и открыто симпатизируют Германии (см.: [Ветлицын, 1890, 239]).

Общий патриотический подъем, характерный для первых месяцев войны, способствовал усилению национальных начал, осознанию войны как противостояния славянства и германизма. Князь Е. Н. Трубецкой верил, что эта война должна сплотить народы России перед лицом опасности немецкого национализма. Русский философ отмечал, что русский патриотизм отличается идеей солидарности, чужд целям узконациональным, как это было у Германии: «немецкий национальный интерес требует порабощения всех национальностей немцам. Напротив, русский национальный и государственный интерес требует всеобщего освобождения народностей, всеобщего их раскрепощения» [Трубецкой, 1914, 6–8]. Наиболее консервативные слои рассматривали Германию как «парию среди тьмы культурных народов» [Поливанов, 1916, 2].

С началом войны начались конкретные шаги по воплощению в жизнь идеи «немецкого засилья». В 1914 г. было запрещено использовать немецкий язык в быту, а с 1916 г. и в учебных заведениях. Многие немецкие газеты во время войны были закрыты. С 1915 г. по всей стране театральные и музыкальные труппы исключили из своего состава лиц немецкого происхождения. Антинемецкие настроения выливались в погромные акции в Петрограде, Москве, Харькове и других городах империи. В Москве в мае 1915 г. беспорядки закончились расправами над владельцами фирм, носивших немецкие фамилии. С криками «бей немцев!» толпы опустошали магазины, нагружали повозки и телеги награбленными товарами (см.: [Лор, 2012, 44]).

Ужесточение политики в отношении немцев происходило на фоне проявления ими лояльности царской власти. Людвиг Лоц, представлявший общины немецких колонистов в Государственной думе, заявил, что «немцы, населяющие Россию, верноподданные Его Величества, сумеют защитить достоинство и честь великого государства...» [Лор, 2012, 9]. Некоторые немецкие подданные российского царя придумывали оригинальные средства доказать свою лояльность дому Романовых. Немцы и другие иностранцы, владевшие магазинами, выставляли в витринах российские национальные флаги и бюсты российского императора. Один отчаявшийся владелец магазина становился в дверном проеме с бюстом Николая II в руках и пел «Боже, царя храни» с явным немецким акцентом каждый раз, когда показывалась толпа

погромщиков. Только благодаря этому он избежал разграбления своего магазина (см.: [Лор, 2012, 48]).

Были случаи, когда немецкое население само провоцировало столкновения на национальной почве. В Вятской губернии в день рождения Вильгельма II немецкие военнопленные решили отпраздновать это событие на широкую ногу, с национальными стихами и песнями. На просьбу полиции разойтись отвечали: «мы не испугались вас... мы Россию взяли, вы под нами будете» (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1703. Л. 20). Лутрингенский пастор Адольф Брилинг, согласно донесению курляндского губернатора, говорил, что «Германию в этой войне винить нельзя», что «в начатии войны виновна Россия» [Алишина, 2015, 153].

Национальный вопрос обострялся в связи с темой шпионажа. До жандармских властей доходили сведения о подготовках диверсий со стороны немецких военнопленных. Поручик I Баварского егерского полка Евгений Гейгер, согласно донесению иркутского губернатора, разрабатывал план производства взрывов мостов по Сибирской и Забайкальской железным дорогам, при этом за счет средств германского правительства (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1703. Л. 197). В Екатеринославле жандармские власти получали анонимные доносы, в которых утверждалось, что управляющий одного из заводов Шлюпп прикрывает активный шпионаж в пользу Германии (см.: [Лор 2012, 63]). В шпионаже в пользу Австро-Венгрии подозревался киевский житель Федор Поллак, католик по вероисповеданию. Согласно донесениям местного жителя Михаила Душенкевича, Поллак получал деньги от представителей враждебных России стран, принимал в своем доме сектантов, которые на своих молитвенных собраниях вели «возмутительную противогосударственную и антимилитаристическую пропаганду». Кроме этого отмечалось, что одна из дочерей Поллака была замужем за офицером австрийской армии. Следствию не удалось найти объективных данных о причастности Поллака к шпионажу (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 81–82 об.). Эти и подобные случаи создавали напряженную ситуацию в межнациональных отношениях.

Значительная часть немцев принадлежала к протестантскому вероисповеданию. В разных регионах империи со стороны сектантских общин (баптисты, евангельские христиане, адвентисты) наблюдались симпатии к Германии. Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский в письме, направленном в Ставку, отмечал, что русское сектантство «окормлялось немецкими проповедниками, немецкою литературою, немецкими семинариями и немецкими деньгами (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332. Л. 8). Публицист Н. Д. Поливанов также пытался провести прямую связь между немецкой агентурой и сектантством в России (см.: [Поливанов, 1916, 4]). Связь баптизма с Германией проводилась в епархиальных вестниках (см.: [Штундобаптизм, 1915, 424]). Один из командующих армий Северо-Западного фронта охарактеризовал баптизм как «рассадник германизма в России», отметил, что носителями идей «необаптизма» здесь являются приезжие рабочие из Пруссии (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332. Л. 10–10 об.).

В разных регионах империи в общинах баптистов и евангельских христиан были выявлены прогерманские настроения. К тому же германофильство переплеталось с пацифизмом, который активно проповедовался среди военных и гражданского населения. В д. Яблоницы Лужского уезда члены Союза евангельских христиан публично произносили «речи, призывающие местное население к содействию Германии в войне» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 77). В Одессе проповедник местной общины евангельских христиан Кропивницкий был обличен в «антимилитаристической пропаганде». В Пскове проповедник той же секты Моргунов распространял идеи пацифизма (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 61 об.).

В Волго-Уральском регионе функционировали военные заводы, работавшие на нужды армии. На некоторых из них велась антимилитаристская пропаганда. В Пермской губернии баптисты заявляли: «если бы ваш царь дал землицы Вильгельму, тогда бы и воевать перестал». Другие советовали не стрелять в немцев, утверждали, что нужно стрелять вверх или сдаваться в плен. На Мотовилихинском заводе, производившем вооружение для российской армии, баптисты вели

антимилитаристическую пропаганду (ГАПК. Ф. 199. Оп. 1. Д. 30. Л. 95–96 об.). В Вятской губернии баптисты Ижевского завода были заподозрены в распространении антиправительственных идей и антимилитаризме. Правда, проведенное губернской канцелярией следствие не доказало прямую причастность баптистов к пропаганде прекращения войны (ЦГАКО. Ф. 583. Оп. 604. Д. 132. Л. 9, 12). Пропаганда велась среди военных чинов. В Казани в 1915 г. евангельские христиане вели пропаганду отказа от несения военной службы среди нижних чинов, уча их, что «они дети Божии, как воины Христа, а не воины мира, не должны участвовать в войне» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 68 об.).

В неудачный для России 1915 г. министр внутренних дел уведомил руководство Северного фронта, что евангельские христиане «вызывают повышенное настроение у посетителей (молитвенных собраний. — М. О.) и могут увлекать их на путь пропаганды идей, оказывающих в условиях переживаемого времени вредное влияние на население». Одновременно с этим Департамент духовных дел обратился к прокурорам военно-окружных судов с просьбой сообщить о случаях антивоенной пропаганды по религиозным убеждениям. Согласно поступившим в департамент сведениям оказалось, что в восьми военно-окружных судах за отказы от исполнения воинского долга привлечено к уголовной ответственности 48 нижних чинов из последователей евангельских христиан (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 62 об.).

Власти обнаруживали переписку сектантов с военными. В ходе производства судебного следствия в Череповецком окружном суде была найдена переписка последовательницы секты евангельских христиан Пелагеи Песковой с военными, в том числе с теми, которые находились «на театре военных действий» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 77).

Антивоенной пропаганды опасались в Морском ведомстве. Главный Морской Штаб на основании рапорта 2-го Балтийского флотского экипажа просил обратить особое внимание на секту баптистов. Причиной к составлению этого рапорта послужил факт обнаружения молитвенных домов баптистов, располагавшихся рядом с военными казармами, что вызывало опасения, так как «секта баптистов проповедует антимилитаризм» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 62).

Справедливое возмущение властей вызвал следующий случай. Один из членов Петроградской общины евангельских христиан Александр Иванов вел антивоенную пропаганду на военном корабле Балтийского флота «Слава». В результате такой деятельности 19 июня 1915 г. несколько матросов, являвшихся последователями Иванова, отказались встать на свои места по боевой тревоге. За это, по законам военного времени, они были посланы на каторжные работы, а Иванов отдан под надзор полиции (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 63 об.). В результате следственных действий выяснилось, что Иванов, по заявлению капитана «Славы» Тучкова, прививал нижним чинам сектантские убеждения, склоняя проявлять послушание приказаниям своего командования. Военные действия трактовались Ивановым как «преступление против Божественного закона» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 63 об.). Были произведены обыски последователей Иванова, в результате которых были найдены письма матросов, «возбуждавшие сослуживцев к неисполнению воинского долга и присяги и упрекающие нижних чинов — единоверцев, ушедших на войну» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 63 об.).

Протопресвитер армии и флота Георгий Шавельский указывал, что было «тысячу случаев», когда сектанты отказывались братья за оружие. Несмотря на условия военного времени, «отказников» не судили строго. Как правило, после дисциплинарного взыскания их направляли в тыл для санитарной службы. Сектанты воспринимали такую лояльность как «особую милость Божию» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332. Л. 9). Протопресвитер Георгий был возмущен тем, что сектанты пользовались «темной народной», незнанием простыми людьми Священного Писания во всем его содержании: «базируясь на отдельных», «вырванных из текста, ловко подобранных выражениях Св. Писания: „не убий“, „не противься злу“, „взявший меч от меча и погибнет“, „любите враги ваша“», сектанты старались внушить, что война есть преступление,

что защита Родины с оружием в руках, суд, власть, осуждаются Священным Писанием, что они суть порождения злой человеческой воли, противной воле Божией (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332. Л. 9 об.).

Следует учитывать, что религиозный пацифизм был характерной чертой не только «немецких» сектантов, но и русских религиозных сект. В антивоенных акциях участвовали толстовцы, которые путем пропаганды призывали сограждан отказываться от несения военной службы (см.: [Гордеева, 2018, 96]). Во время войны была обнаружена неизвестная до того секта «братолюбцев». Из небольшого хутора Раевка Оренбургской губернии до директора Департамента духовных дел дошли сведения об отказах местных жителей от военной службы в связи с религиозными убеждениями. В ходе исследования выяснилось, что вероучение этой секты тождественно толстовству и квакерству и заключается в отрицании государственной власти, войны, воинской службы, присяги, Православной Церкви. Хутор Раевка, согласно донесению миссионера, был населен «исключительно сектантами всяких толков» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 333. Л. 5).

Симпатии к Германии и проповедь религиозного пацифизма стали причинами ограничительных законов в отношении протестантских религиозных общин. Министр внутренних дел Н. А. Маклаков разослал губернаторам предписание, в котором требовал не допускать в звание наставников баптистов германских и австрийских подданных. Министр основывался на том, что существует угроза вмешательства иностранцев в «религиозный быт сектантов русских подданных» (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 33. Л. 11). 1 октября 1914 г. Маклаков направил губернаторам письма, в которых отмечалось, что протестантское духовенство, «по слухам», нередко относится «с полным сочувствием к нашим врагам», кроме того, открыто высказывает симпатии к пангерманизму и «германофильским тенденциям». В связи с этим Маклаков предписал губернаторам установить «строгий правительственный надзор за направлением деятельности пасторов» (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 33. Л. 7). 12 декабря 1914 г. МВД направило губернским властям циркуляр, в котором отмечалась «необходимость иметь неослабное наблюдение за всеми проявлениями деятельности рационалистического сектантства» (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 33. Л. 13).

Позднее было издано распоряжение о начале следственных действий против столичной организации евангельских христиан, возглавляемой И. С. Прохановым. Основываясь на донесениях губернаторов, указывавших на факты антимилитаристской пропаганды сектантов (по всему Черноморскому побережью одесские власти нашли письма Проханова с антимилитаристскими идеями), глава МВД Б. В. Штюмер инициировал введение мер по ограничению деятельности баптистов и евангельских христиан (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 76–77). В результате деятельности секты евангельских христиан в столице была существенно ограничена. Один из ее лидеров Фетлер выехал за границу. Закрытию подлежали некоторые молитвенные дома протестантов и сектантов. В Петрограде были закрыты места собраний адвентистов, а их руководитель С. С. Ефимов сослан в Ангару (см.: [Никольская, 2004, 175]).

Против сектантского и пацифистского движения выступило церковное руководство. В августе 1914 г. Св. Синод поручил всем епархиальным архиереям обязать местных миссионеров устраивать беседы о военных в храмах, «принимать меры к охране чиноу от инославной и иноверной пропаганды» (ГАПК. Ф. 664. Оп. 1. Д. 43. Л. 2).

Борьбу с пропагандой религиозного пацифизма в войсках вел протопресвитер военного и морского духовенства Г. Шавельский. В конце января 1917 г. он направил на имя Верховного главнокомандующего записку о сектантской пропаганде среди военных. В «Воспоминаниях последнего протопресвитера русской армии и флота» о данном письме есть небольшое упоминание. В частности, протопресв. Георгий указывал, что в конце декабря 1916 г. решил направить докладную записку на имя В. И. Гурко, в которой советовал принять «экстренные меры для духовного воспитания и укрепления армии», обратить особенное внимание на сектантскую пропаганду в тылу. После того как записка попала в Главный Штаб, было издано распоряжение

о воспрещении нижним чинам посещать сектантские собрания, а жандармская полиция должна была установить контроль за деятельностью сектантов (см. подр.: [Шавельский, 2019, 295–296]).

Обращение протопресв. Г. Шавельского было направлено в Ставку накануне крушения монархии, в конце января — начале февраля 1917 г. Из Ставки оно было перенаправлено в Военное министерство, которое возглавлял М. А. Беляев. Главной темой обращения стало распространение сектантских и пацифистских идей в армии и в тылу. Как уже отмечалось, предложения, высказанные о Георгием, были приняты в войсках. В. И. Гурко посчитал «настоятельно необходимым» предпринять предлагавшиеся в письме меры в борьбе с сектантством. Соответствующие указания были розсланы офицерам армии (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332. Л. 7).

Письмо начинается с постановки актуального на тот момент «германского вопроса». Протопресвитер полагал, что между русским религиозным сектантством и Германией существует духовная и материальная связь. Духовная связь, по его мнению, выражалась в том, что немецкое руководство поддерживало развитие распространения в России прогерманской литературы, а материальная — в финансовой поддержке русских сектантов. Канцлер Бисмарк, по словам Шавельского, «из какого-то военного фонда» дал много денег для поддержки сектантства в России. Император Вильгельм II выделял значительные суммы на распространение в России баптизма (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332. Л. 8).

Протопресвитер Георгий предлагал военному начальству и полицейским «иметь особое строгое наблюдение за проповедью в местных сектантских собраниях», а также за поведением нижних чинов сектантов в воинских частях; запретить «под страхом тяжкой ответственности» нижним чинам не только православным, но и католикам и протестантам посещать сектантские собрания; 3) закрывать сектантские собрания, в которых будет обнаружен факт пропаганды антимилитаризма (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 332. Л. 9 об.).

Записка военному начальству была представлена в самый канун Февральской революции, после которой о. Георгий был арестован революционными «товарищами» (см. подр.: [Шавельский, 2019, 295–296]). Была ли эта записка реализована, сказать на данный момент непросто. Стоит заметить, что религиозный пацифизм стал определяющим фактором дезертирства солдат. А. Б. Асташов, основываясь на архивных материалах, приводит воспоминание И. М. Трегубова, утверждавшего, что сектанты-отказники оказали определенное влияние на подготовку восстания петроградского военного гарнизона в феврале 1917 г. Согласно этим воспоминаниям, именно сектанты-отказники распропагандировали гвардейские полки Петрограда, что привело к «братанию» с рабочими. При этом А. Б. Асташов основательно предостерегает делать из этого воспоминания поспешные выводы о том, что нарастание антивоенных настроений в армии было результатом деятельности отказников. Антимилитаризм религиозных отказников, по его мнению, стал успешным только на «волне антивоенных настроений солдат», что объяснялось комплексом причин социально-экономического и социокультурного порядка (см.: [Асташов, 2011, 54]).

Вопрос об отношении властей к религиозному пацифизму имел особый оттенок среди *меннонитов*. Данная религиозная группа появилась в Российской империи при императрице Екатерине II. Меннониты не признавали возможность ношения оружия и участия в военных конфликтах, что стало причиной их притеснений в европейских государствах. Екатерина II даровала меннонитам право на освобождение от рекрутской повинности, полагая, что представители этой религиозной группы смогут успешно осваивать Юг России.

Меннониты были, как правило, голландского происхождения. Однако с началом Первой мировой войны власти стали чаще ассоциировать их с «немцами». Закон о ликвидации немецкого землевладения от 2 февраля 1915 г. был распространен на меннонитов. Власти в центре и на местах опасались, что меннониты являются немецкими пособниками. В 1915 г. Екатеринославский губернатор отмечал, что «меннониты,

как и немцы других исповеданий, стали проявлять явно недоброжелательное и даже враждебное отношение к России и всему русскому» [Алишина, 2011, 86].

Консервативные слои русской общности усматривали в религиозном пацифизме меннонитов признак нелояльности существующему государственному строю. В прессе правого толка отмечалось, что исходным основанием русского подданства должно быть поставлено участие в обороне государства. «Кто не желает, ссылаясь на свое вероучение, защищать Россию, т.е. кто отказывается нести наиболее священную обязанность, тот не может быть ее гражданином» [Алишина, 2011, 86].

Напротив, либеральная общественность полагала, что меннониты, как и в целом немецкие колонисты, не представляют реальной угрозы государству. Так, в защиту меннонитов выступал П. Н. Милюков. Он составил обширные исторические справки, которыми доказывал лояльность этой религиозной группы царской династии. Лидер партии кадетов отмечал, что меннониты этнически являются не немцами, а голландцами. «Меннониты, безусловно, преданы ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ и России, их лояльность вне подозрений», — отмечал лидер партии кадетов (ГАРФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2608. Л. 17).

В отношении меннонитов опасения властей оказались напрасными. Если факты пронемецкой пропаганды со стороны баптистов и евангельских христиан были зафиксированы в разных частях империи, в том числе и в войсках, то меннониты не распространяли своих пацифистских убеждений. Более того, они проявили достаточный уровень лояльности, чтобы не подвергаться притеснениям. Так, в некоторых губерниях они оказывали гуманитарную помощь русским войскам, содержали за свой счет лазареты, вносили деньги на благотворительные учреждения (см.: [Алишина, 2011, 86]). В годы Первой мировой войны около 12 тыс. военнообязанных меннонитов отбывали военную службу в качестве санитаров и лесников. «Тем не менее правительством и широкие круги общественности рассматривали этих горящих по-немецки переселенцев, перебравшихся в Россию из Пруссии более ста лет назад, как возможных союзников врага» [Коппитерс, 1990, 64].

В годы войны в МВД возник вопрос о лояльности властям секты *методистов*. В Департаменте духовных дел иностранных исповеданий навели справки об этой секте и ее деятельности в Российской империи. Было выявлено, что методисты не могут быть отнесены «к числу прогивогосударственных». Тем не менее губернские власти были предупреждены, что «не исключено возникновения движений, которые могут быть несовместимы с условиями военного времени». В качестве примера был указан прецедент, возникший в Эстляндской губернии, когда крестьянин Яков Кумм, придерживавшийся взглядов методистов, оказал сопротивление полицейским (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198. Л. 119 об. – 120).

Всего за годы войны со стороны царской власти к ответственности за пацифизм было привлечено 837 отказников, из них евангелистов — 256, баптистов и штундистов — 114, адвентистов — 70, молокан — 28, малеванцев — 27, толстовцев — 18, духоборов — 16, других сектантов — 59 человек. Из остальных 249 осужденных никто не указал свою религиозную принадлежность [Коппитерс, 1990, 63].

Еще одним вопросом, вставшим на повестку дня во время войны, стал *униатский*. Когда русские войска осенью 1914 г. заняли Галицию, то правительство и военное руководство пыталось использовать этот момент для закрепления территории за Россией. Назначенный в Галицию генерал-губернатор Георгий Бобринский заявил, что восточная часть Галиции, Буковина и рутенские области в Карпатах следует считать исконно русскими. Прибывший во Львов император Николай II провозгласил, что «нет больше Галиции, а есть Великая Россия, простирающаяся до Карпат» [Шлянта, 2014, 26].

После занятия Галиции архиеп. Евлогий (Георгиевский) стремился обратить местных униатов в православие. Обращение было настолько интенсивным и, главное, не всегда добровольным, что вызывало недовольство не только среди местного населения, но и у протопресвитера армии и флота Г. Шавельского, который сделал критический доклад Верховному главнокомандующему (см.: [Шкаровский, 2010, 54]).

Критические взгляды по поводу принудительного обращения униатов высказывали сторонники усиления русского влияния в Галиции. Резидент в Берне В. П. Сватовский снабжал имперские власти меморандумами и записками, в которых, с одной стороны, критиковал украинский национализм, с другой — еп. Евлогия за репрессивную политику в отношении униатов, отталкивавшую украинцев от России (см.: [Миллер, 2010, 251]).

В 1916 г. Св. Синод разослал по епархиям указ, которым предписывалось местному духовенству вести беседы с военнопленными униатского исповедания. Во время собеседований миссионеры должны были объяснять «русскую историю и словесность» и основы православной веры. Епархиальные архиереи получали право учреждать в своих епархиях «разъездных священников-проповедников для миссионерского дела среди военнопленных» (ЦГАКО. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3292. Л. 1). Таким образом, военное время было использовано гражданской и церковной властью для усиления миссионерской работы с униатами не только присоединенных территорий, но и тех, которые находились во внутренних губерниях империи. Можно предположить, что здесь косвенно преследовалась цель ослабить влияние католического духовенства, с которым очень тесно были связаны униаты, прежде всего западных губерний.

Исламский вопрос в годы войны. При объявлении мобилизации в ряды российской армии вступили мусульмане, проживавшие в Волго-Уральском регионе. Прежде всего это были татары и башкиры. В отличие от мусульман других регионов, они подлежали воинской повинности. Остальные мусульмане становились ополченцами. Такие добровольческие мусульманские отряды, как Текинский полк, вступали в войну на основе договора найма.

В начале войны значительная часть исламской общины Российской империи подержала царскую власть в борьбе со странами Тройственного союза. 27 июля 1914 г. мусульмане-депутаты участвовали в молитве, которое состоялось в Петроградской соборной мечети. Выходя из мечети, некоторые возглашали: «Да здравствует государь, да здравствует Россия, да здравствует армия!» (см.: [Исхаков, 2014, 111]). Татарское население Нижнего Новгорода встретило объявление войны с большим патриотическим подъемом, а исламское духовенство молилось в мечетях о даровании побед. Так, в мечетях Камкино совершались пятничные молитвы «о ниспослании доблестному русскому воинству и союзникам победы» [Сенюткин, 2001, 321]. Муфтий М. Султанов направил императору Николаю II телеграмму с выражением верноподданнических чувств. В ответ царь обратился к уфимскому губернатору со словами: «Передайте мусульманскому населению Уфы мою благодарность» (см.: [Исхаков, 2014, 111]).

Значимым событием в исламской политике имперских властей стало вступление в войну Османской империи. В ноябре 1914 г. под давлением Германии турецкий султан объявил джихад, т.е. «священную войну» против немусульман. И. А. Гилязов верно заметил, что джихад султана имел «военно-политический оттенок», т.к. был объявлен только в отношении враждебных государств — Англии, Франции и России (см.: [Гилязов, 2015, 104]). Германия и Австро-Венгрия в этом акте султана не упоминались, хотя на их территории преобладало почти исключительно христианское население.

Стоит заметить, что, согласно сведениям, полученным в МВД от дипломатических представителей в Константинополе, турецкие панисламисты объявили «священную войну» еще «до открытого враждебного выступления против России». Воззвание под названием «Священная война обязательна» было направлено всем мусульманам мира. В этом воззвании турецкие панисламисты со ссылкой на Коран напоминали мусульманам, что все они братья, без различия национальности и подданства, что все они должны помогать друг другу и вести борьбу за освобождение тех мусульман, которые находятся «в порабощении у неверных (кяфиров)», что уже настало время сбросить «иго кяфиров» (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 33. Л. 10).

Вступление в войну Турции и объявление джихада заставило российские власти ужесточить конфессиональный курс в отношении мусульман. Показательно в этом отношении распоряжение МВД от 18 октября 1914 г., разосланное губернаторам. В нем отмечалось, что мусульмане «не остались чуждыми» общему патриотическому

подъему, проявили «должную лояльность» российским властям. Несмотря на это, руководство МВД опасалось деятельности «агитаторов»: эмиссаров, прибывающих из Османской империи, странствующих мулл, богомольцев (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 33. Л. 9).

Губернаторам было предписано в случае обнаружения турецких эмиссаров «принимать самые решительные меры к прекращению их вредной деятельности». Кроме того, губернаторы должны были принять все возможные меры к недопущению среди мусульман каких-либо тайных сборов и пожертвований, которые могут быть направлены на нужды «враждебного нам турецкого правительства» (РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 33. Л. 9 об.). Подобные случаи имели место в ходе Балканских войн: тогда мусульмане некоторых регионов Российской империи оказывали материальную помощь Турции через организацию Красного Полумесяца (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 587. Л. 1–2). В Тифлисе Центральный мусульманский комитет рассылал среди мусульман воззвания, «призывающие к вербовке добровольцев в войска Турции и защите ислама кровью». Было выявлено, что такие воззвания «пропитаны ненавистью к России, являющейся, по мнению мусульман, единственной виновницей войны» (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 587. Л. 18). Казанский губернатор сообщал в МВД, что мусульмане еще до Балканских войн помогали турецким единоверцам, осуществляли сбор в пользу их армии и флота. В связи с этим губернатор не допускал никаких сборов на нужды мусульманских зарубежных организаций, полагая, что они будут осуществляться не на раненых, а на армию и флот (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 587. Л. 19 об.).

Большая обеспокоенность российских спецслужб и губернских администраций возникла в связи с получением данных о том, что в Вене в январе 1916 г. состоялось совещание панисламистов, на котором поднимался вопрос о «возбуждении мусульманского населения против России». В ходе совещания было принято решение отправлять в Российскую империю особых эмиссаров из числа персидских подданных, которым, как нейтральным гражданам, въезд в Россию не был запрещен. В связи с этим местные жандармские управления получили указание наблюдать за движениями среди мусульман (ЦГАКО. Ф. 714. Оп. 1. Д. 1644 а. Л. 1).

В период военных действий были зафиксированы случаи солидарности некоторых мусульман по отношению к Османской империи. В конце 1914 г. российские панисламисты распространяли свои издания в татарских деревнях Нижегородской губернии. Население Камкино получило газеты и журналы «Юлдус», «Вахт», «Иль» (см.: [Сенюткин, 2001, 317]). Крупный нижегородский предприниматель Х. Т. Акчурина еще до войны встречался с высокопоставленными пантюркистами из Стамбула, а годы Первой мировой войны имел прямое отношение к сбору денег на младотурок. Власти следили за подозрительной деятельностью Акчурина, но, как отмечал С. Б. Сенюткин, многомиллионное состояние Акчурина и его связи с партийными функционерами Государственной Думы затрудняли привлечение его к уголовной ответственности (см.: [Сенюткин, 2001, 317]).

В целом можно отметить, что значительная часть мусульманских подданных оставалась вне турецкой панисламистской политики и проявила лояльность дому Романовых. Мусульманское население Касимовского уезда объявление войны, как отметил рязанский губернатор, «встретило с полным сознанием важности и серьезности переживаемого государством момента». Вместе с русскими мусульмане участвовали в манифестации по городу, шли под пение национального гимна с русскими национальными флагами и портретами императора (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603. Л. 26 об.). В г. Уржуме Вятской губернии мусульмане присутствовали «при иконах и хоругвях», которые несли православные жители (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603. Л. 37). Губернатор Таврической губернии также отмечал, что местные мусульмане наравне с русскими участвовали в патриотических манифестациях, жертвовали средства на раненых солдат российской армии (РГИА. Ф. 821. Оп. 133. Д. 603. Л. 28–29). Как отмечал Ф. Дэвис, «большинство губернаторов вовсе не считали солдат мусульманского вероисповедания обузой Российской империи» [Дэвис, 2014, 51].

Общий вывод о лояльности мусульман в годы Первой мировой войны, достигнутый в исторической науке (см.: [Арапов, 2014, 420; Исхаков, 2014, 111]), требует некоторых уточнений. Мусульманское население Российской империи было далеко не однородным по своим взглядам на царскую власть. Были сторонники царской власти, желавшие сохранить государственный строй в неизменном виде. Ярким их образчиком являлся ахун Петрограда С. Баязитов. В губерниях также были мусульмане, боровшиеся с противниками царской власти. Один из крупных духовных деятелей мусульманского населения Вятской губернии Ишмухаммет Динмухаметов сотрудничал с властями за сохранение традиционного для мусульман метода обучения в религиозных школах против новометодных медресе (см.: [Касимова, 2009, 203]). Такие мусульмане проявляли осознанную лояльность власти.

Иного плана были т.н. «прогрессивные» элементы среди мусульман, настроенные оппозиционно по отношению к имперскому строю. Они хотя и сохраняли лояльность, но только призрачно, до первого удобного момента, которым можно было бы воспользоваться для изменения существующего строя. Уже после свержения монархии А. Т. Цаликов как бы от имени мусульман заявил, что мусульмане были жертвой «европейского империализма», в том числе «царского империализма» (см.: [Цаликов, 1917, 14]). Поэтому проявление среди мусульман лояльности царскому строю было во время войны неоднородным, многоплановым явлением. К этому нужно добавить, что среди мусульман имелись и те, кто открыто выражал недовольство существующей властью, выступал на стороне революционеров или поддерживал мусульманскую международную солидарность. Многие солдаты-мусульмане не считали войну «своей», были недовольны тем, что им, в отличие от поляков, не было обещано никаких политических прав, хотя они понесли большие потери за Российское государство (см.: [Дэвис, 2014, 56]).

Традиционная для российской власти политика веротерпимости с началом войны была скорректирована в сторону ужесточения контроля над «иноверцами». Такой шаг был продиктован геополитическими соображениями. Власти опасались сепаратизма со стороны протестантов и мусульман как групп населения, попадавших в категорию подданных враждебных России государств – Германии, Австро-Венгрии и Османской империи. Отдельные факты пангерманизма и пантюркизма создавали общее впечатление нелояльности лютеран, меннонитов, баптистов, евангельских христиан и мусульман. Это приводило к ужесточению конфессиональной политики, появлению ряда подзаконных актов, направленных на ограничение религиозных прав, гарантированных на законодательном уровне.

Вместе с тем было бы ошибкой утверждать, что в годы войны власти Российской империи проявляли религиозную нетерпимость к «иноверцам». Продолжали действовать законы, гарантировавшие право совершения богослужений, пастырской деятельности инославного и иноверного духовенства. Неприкосновенными оставались обряды и догматы существовавших в империи вероисповеданий. Как и прежде, католическое духовенство получало жалованье из государственной казны. Сохранялись сети учебных заведений мусульман, протестантов, католиков, иудеев и других признанных конфессий. Еврейские и немецкие погромы, имевшие место в годы войны, были вызваны не столько религиозной нетерпимостью, сколько ростом национализма. Вплоть до своего падения царская империя придерживалась многовековой генеральной линии веротерпимости по отношению к признанным конфессиям.

Источники и литература

1. Алишина (2015) — *Алишина Г. Н.* Евангелическо-лютеранская церковь и лютеранские пасторы Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4 (31). С. 151–156.
2. Алишина (2011) — *Алишина Г. Н.* Вопрос об идентичности меннонитов России в годы Первой мировой войны // Вестник Томского гос. ун-та. 2011. № 351. С. 85–87.
3. Арапов (2014) — *Арапов Д. Ю.* Мусульмане России в годы Первой мировой войны // Ислам в мультикультурном мире. Мусульманские движения и механизмы воспроизводства идеологии ислама в современном информационном пространстве: Сб. статей. Казань, 2014. С. 418–425.
4. Асташов (2011) — *Асташов А. Б.* Политика власти в отношении отказничества от военной службы по религиозным убеждениям накануне и во время Первой мировой войны // Вестник РУДН. Сер.: История России. 2011. № 3. С. 49–61.
5. Ветлицын (1890) — *Ветлицын А. (Палтов А. А.).* Духовная жизнь наших немецких колоний // Русский вестник. 1890. Т. 208. С. 236–260.
6. ГАПК — Государственный архив Пермского края. ГАПК. Ф. 199. Оп. 1. Д. 30; Ф. 664. Оп. 1. Д. 43.
7. ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2608.
8. Гилязов (2015) — *Гилязов И. А.* Германская служба информации по Востоку и организация печатной пропаганды среди мусульманских народов России в годы Первой мировой войны // Новый исторический вестник. 2015. № 2 (44). С. 103–115.
9. Гордеева (2018) — *Гордеева И. А.* Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века // Крестьяноведение. 2018. Т. 3. № 4. С. 78–104.
10. Дэвис (2014) — *Дэвис Ф.* Первая мировая война как испытание для империи: мусульмане на службе в царской армии // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сб. статей / Под ред. К. Бруиша, Н. Катцера. М.: Новое лит. обозрение. 2014. С. 41–57.
11. Исаков (2014) — *Исаков С. М.* Отношение российских мусульман к Первой мировой войне // Российская история. 2014. № 5. С. 109–121.
12. Касимова (2009) — *Касимова Д. Г.* Ислам // Религии народов Вятского края / Отв. ред. А. Г. Поляков. Киров: Ист.-культурное молодежное науч. о-во «Самобытная Вятка», 2009. С. 160–230.
13. Коппитерс (1990) — *Коппитерс Б.* Пацифистские секты, большевики и право на отказ от военной службы // Родник. 1990. № 9 (45). С. 63–68.
14. Лор (2012) — *Лор Э.* Русский национализм и Российская империя: Кампания против «вражеских подданных» в годы Первой мировой войны. М.: НЛЮ, 2012. 301 с.
15. Миллер (2010) — *Миллер А. И.* Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Новое лит. обозрение, 2010. 316 с.
16. Никольская (2004) — *Никольская Т.* Русский протестантизм на этапе утверждения и легализации (1905–1917 гг.) // Богословські роздуми: Східноєвропейський журнал богослов'я. 2004. № 4. С. 161–181.
17. Поливанов (1916) — *Поливанов Н. Д.* О немецком засилии. Пг.: Об-во 1914 год, 1916. 10 с.
18. РГИА — Российский государственный исторический архив. Ф. 821. Оп. 133. Д. 198; Д. 332; Д. 333; Оп. 150. Д. 33.
19. Сенюткин (2001) — *Сенюткин С. Б.* История татар Нижегородского Поволжья с последней трети XVI до начала XX вв. (историческая судьба мишарей Нижегородского края). Н. Новгород: Изд-во Нижегород. гос. ун-та, 2001. 416 с.
20. Соболев (1998) — *Соболев И. Г.* Борьба с «немецким засильем» в России в годы Первой мировой войны): Автореф. дис. ... докт. ист. наук. СПб., 1998. 24 с.
21. Трубецкой (1914) — *Трубецкой Е. Н.* Смысл войны. М.: Путь, 1914. 46 с.

22. Цаликов (1917) — *Цаликов А. Т.* Мусульмане России и война: речь, произнесенная на Всероссийском мусульманском съезде в Москве 1–11 мая 1917 года. Пг.: Заря Востока, 1917. 15 с.
23. ЦГАКО — Центральный государственный архив Кировской области. Ф. 237. Оп. 74. Д. 3292.; Ф. 583. Оп. 604. Д. 132; Ф. 714. Оп. 1. Д. 1644 а; Д. 1703.
24. Шавельский (2019) — *Шавельский Г., протопресв.* Воспоминания последнего протопресвитера Русской Армии. М.: Вече, 2019. 512 с.
25. Шкаровский (2010) — *Шкаровский М. В.* Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Вече; Лепта, 2010. 478 с.
26. Шлянта (2014) — *Шлянта П.* «Братья-славяне» или «азиатские орды»? Польское население и российская оккупация Галиции в 1914–1915 годах // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох: Сб. статей / Под ред. К. Бруиша, Н. Катцера. М.: Новое лит. обозрение, 2014. С. 21–40.
27. Штундобаптизм (1915) — Штундобаптизм пред судом современных событий // Тамбовские епархиальные ведомости. Отдел неофициальный. 1915. № 18. С. 415–428.
28. Шубина (2012) — *Шубина А. Н.* Отношение власти и общества к проблеме так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2012. 21 с.